

Как Кончаловский-конъюнктурщик съел Кончаловского-художника

В московский прокат выходит «Дом дураков» – очередная сказка о войне для детей дошкольного возраста

В этом мире у Жанны (Юлия Высоцкая) два друга – аккордеон и местный поэт Али (Станислав Варкки).

Кадр из фильма «Дом дураков»

Екатерина Барабаш

Удивительно, как удается братьям Михалковым (один из которых Кончаловский), вызвав заранее интерес к своим работам, заставить критиков эти работы заранее не полюбить. Помнится, на «Сибирского цирюльника» киножурналисты шли, заранее вооружившись язвительными упреками. С чуть меньшим, но все же – предубеждением – шла московская критика на фильм Андрея Кончаловского «Дом дураков». История с его выдвижением на «Оскара» от России получилась с запахом – слишком уж явно к этому выдвижению младший брат руку приложил, не особо даже скрывая, что решение Российского оscarовского комитета, прошу прощения за тавтологию, – дело решенное. Одним словом, «Дом дураков» стал одним из самых скандальных за последнее время российских фильмов – в смысле мышиной возни вокруг него. Напомним, кстати, что эта картина получила Гран-при Венецианского кинофестиваля – престижную награду престижного фестиваля.

...Обитатели психиатрической больницы на чечено-ингушской границе в какой-то момент оказываются предоставленными сами себе. А тут – военные действия, то чеченцы нагрянут, то федералы. Главная героиня – больная девушка Жанна (Юлия Высоцкая), переполненная любовью к близким, а также к Брайану Адамсу, которого в гре-

зах видит своим женихом, все-таки собралась замуж за чеченца, пошутившего на свою голову – сегодня вечером, мол, женюсь на тебе. Чеченец обманул, и доверчивая Жанна чуть было не потеряла веру в человечество. Но рядом – друзья, коллеги по психбольнице. С ними привычно и уютно, во всяком случае, куда уютней, чем за воротами интерната, где сумасшедший дом простирается на всю страну. Или на весь мир. А тут еще чеченец-обманщик явился в больницу и попросился там пожить да полечиться. Жанна счастлива безмерно, жизнь налаживается.

Выбрать героями фильма душевнобольных – ход сколь банальный, столь и выигрышный. Во-первых, отличный материал для лепки образов (как известно, мир душевнобольного человека красочен и куда интереснее мира человека нормального). Во-вторых, любая сюжетная линия, даже самая невероятная или – наоборот – примитивная, имеет право на существование.

Душевнобольные уже сами по себе трогательны. Если они к тому же оказываются в экстремальных условиях вроде чеченской войны – это трогательно вдвойне и уже повод для мелодрамы. Если, кроме всего прочего, на этой самой чеченской войне их не только не убивают, не только не насилуют, но даже всячески жалуют и джентльменничают с ними – особенно все как один порядочные и благородные чеченские боевики, – это уже повод для сусальной

мелодрамы. Одним словом, все на сбор клюквы!

Несомненно, Кончаловский – профессионал с большой буквы. Даже несмотря на некоторую жанровую эклектичность картины, несмотря на очевидные изъяны драматургии, фильм все же производит впечатление законченного и цельного произведения. Но Кончаловский, помимо того, еще и конъюнктурщик с большой буквы. Конечно, снимать сказки волен всякий. При условии, что ты готов признать свой опус сказкой. Если ты снимаешь правду – снимай правду. А дурить никого не надо. Там, где на экране только обитатели дома скорби, Кончаловский уверенно держит планку – занятные образы (особенно выделяется Марина Полицеймако в роли местной Новодворской), приятное глазу переплетение сюжетных линий, точное соответствие формы и содержания... Но вот началась политика. И, как пелось в одной известной песне, «все хорошее в себе поистребили». Кончаловский-конъюнктурщик, не поперхнувшись, съел Кончаловского-художника. Второй, похоже, не был против. Еще бы – подчинить фильм такой свежей и чертовски верной мысли, что и чеченцы, и федералы тоже люди, – это дорогого стоит. Это, знаете ли, всем приятно будет, потому как глубокий пацифизм и оголтелый гуманизм всегда нравились как родному государству, так и не очень разборчивому по художественной части неродному «Ос-

кару». Кто не согласится, что чеченцы, особенно в условиях партизанской войны, – душки и утонченные интеллигенты? Кто будет спорить с тем непреложным фактом, что солдаты федеральных войск – славные ребята без грана озлобленности? А стоит нашему лейтенанту повстречаться с чеченским полевым командиром, окажется, что они вместе воевали в Афганистане и один спас другого. Кто сказал «Буданов»? Не было никакого Буданова. Крови, насилия, убийств – упаси Господь. Ничего этого на войне нет. Русские солдаты – люди. Чеченцы – тоже люди. «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

Особенно уместно сейчас, после событий на улице Мельникова, пытаться всучить эту картину Американской киноакадемии. И вообще сейчас она особенно уместна. Любая крайность – штука опасная. Несомненно, такие фильмы, как, например, «Война» Алексея Балабанова, подогревающие ненависть к чеченцам и показывающие невыносимое благородство русского солдата, с точки зрения воздействия на умы гораздо опаснее. «Дом дураков» с этой точки зрения, наоборот, что-то вроде валерьянки – принял и слегка успокоился. Все не так плохо, как нам пытаются это представить. Но такие фильмы опасны и губительны для самого художника, потому что там, где начинается заказ и конъюнктура, кончается настоящее искусство. Кончаловский не даст соврать.